

РОМАН

ЗА МЕСТЬ ПОЦЕЛУЙ

История о теле, голосе и тишине

КОНСТАНТИН САВЕЛОВ

Константин Савелов

Месть за поцелуй

«Автор»

2026

Савелов К.

Месть за поцелуй / К. Савелов — «Автор», 2026

Ричард Томпсон очнётся после аварии парализованным и немым — и первым, что он услышит, будет голос собственной жены, дающей полиции ложные показания. Пока весь мир верит сказке о безутешной жертве, единственное оружие Ричарда — тишина. И терпение. Когда в его жизни появляется человек с технологией, способной вернуть голос, а может быть, и куда больше, месть перестаёт быть просто словом. Константин Савелов писал эту историю десять лет — начал её задолго до того, как понял, чем она станет. «Месть за поцелуй» — тот редкий случай, когда автор не отпускал героя, пока не довёл его до конца, который стоило ждать так долго. Первые главы — бесплатно. Остальное решит, зацепит ли вас так же, как когда-то зацепило автора.

© Савелов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман	5
Часть первая. ТЕЛО	6
Глава 1. Овраг	6
Глава 2. Клэр и Ричард	7
Глава 3. Восемьдесят миль в час	8
Глава 4. Два моргания	9
Глава 5. Дома поговорим	11
Глава 6. Поцелуй	13
Глава 7. Иск	14
Глава 8. Лифт из-под земли	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Савелов

Местъ за поцелуй

Роман

Часть первая. ТЕЛЮ

Глава 1. Овраг

В двух метрах от края шоссе, в неглубоком овраге, лежит на крыше перевернутый спортивный автомобиль. Фары ещё горят — одна светит в землю, другая в небо, будто машина не может решить, куда ей теперь смотреть. У ближайшего бетонного столба сидит женщина. Платье на ней разорвано на плече, по виску течёт тонкая струйка крови, но глаза у неё сухие. Внутри автомобиля, вывалившись из кресла, в позе, немыслимой для живого человека, лежит мужчина лет тридцати.

Это Клэр и Ричард Томпсон. Женаты два месяца и одиннадцать дней.

Первым к месту аварии подъедет не полиция и не случайный водитель. Первым подъедет автомобиль реанимационной помощи — по счастливому, как позже напишут в протоколе, стечению обстоятельств он двигался последние триста метров, возвращаясь с очередного вызова, на котором двое пьяных не поделили бутылку, вследствие чего она была разбита одним из них об голову другого. Отделался небольшими порезами и повязкой, чего нельзя было сказать о пострадавшем мужчине, случайно оказавшемся на обратном пути.

Пока водитель скорой Роберт Бэксли бежит вниз по откосу, а фельдшер Вики Лоу разворачивает дефибриллятор, женщина, сидящая у столба, будет молчать. Она не закричит, не бросится к мужу, не попытается его вытащить. Она просто будет сидеть и смотреть, как двое чужих людей в медицинской форме борются за жизнь человека, о котором она знает — уже знает, в эту самую секунду, ещё до того, как подъедет полиция, — что скажет о нём неправду.

Через тридцать шесть секунд сердце Ричарда Томпсона остановится второй раз. Через две минуты после первой остановки его снова заставят биться. Он проведёт следующие тридцать девять дней в темноте, из которой не будет доноситься ни звука, ни света, только далёкое, ровное гудение, похожее на гудение земли — и когда он наконец вынырнет из этой темноты, первым, что он услышит, будет голос собственной жены, дающей показания полицейскому.

Но это — потом. А сначала нужно понять, как двое детей, познакомившихся в первом классе младшей школы, оказались здесь: он — на грани жизни и смерти, она — без сожалений о случившемся.

. . .

Глава 2. Клэр и Ричард

Они были знакомы с семи лет. Клэр — стройная блондинка с глазами того глубокого синего цвета, какой приобретает небо в знойный полдень середины лета, — привлекала внимание сначала мальчишек, потом парней, и дело было не в природной красоте, не в характере и уж тем более не в остром аналитическом уме. Этими параметрами Клэр не сильно выделялась среди подруг. Но было в ней что-то по-настоящему женское — то, что мужчины читают как призыв о защите, даже если призыва никто не произносил вслух. Клэр вызывала в них старомодные желания, от которых давно отвыкло современное общество, без всяких усилий и почти без намерения. Но с первого дня знакомства она решила для себя, что Ричард — единственно возможный кандидат на пост её избранника, хотя ей было тогда всего семь лет и слово «избранник» она узнала гораздо позже.

Ричард был парнем среднего роста, среднего телосложения и средних способностей. Ничего в нём не было примечательного, кроме одного — странного выражения глаз, в котором читалась полная самоотдача. Его глаза будто говорили: «Если я вас полюблю, то никогда не сделаю больно, а сам стану защищать от всех невзгод, которых так много в окружающем мире».

Всю школу они наблюдали друг за другом, но не сближались. Она — в центре мужского внимания, уверенная, что причина популярности в цвете волос и глаз. Он — равнодушный к девушкам, которые так нуждались в его покровительстве, гарантированном скорее характером, чем физическими или умственными данными.

На выпускном Ричард сказал Клэр, что хочет, чтобы они вместе поступили в университет. Сам он мечтал стать адвокатом, а её видел преподавателем истории — потому что истории Клэр умела рассказывать так, что слушатели верили даже в откровенные выдумки. А история в университетах, — говорил Ричард с той полусерьёзной улыбкой, которая была его единственным способом предупредить о том, что сейчас будет шутка, — мало чем отличается от сказочных романов, разве что фантазий в ней с годами становится больше.

Клэр не знала, кем хочет стать, и сомневалась в самой необходимости следующего шага. Но предложение её позабавило, а привычное, ещё с первого класса, намерение провести с Ричардом остаток дней добавило уверенности принять решение.

Университетские годы прошли быстро — с той разницей, что жизнь вне родительского дома заставила обоих освоить азы кулинарии, а Ричарду пришлось искать первую работу: родительских денег хватало на аренду и еду, но не на ночные тусовки и утренние завтраки в закусочных.

По окончании университета Ричард без лишних слов предложил Клэр стать его женой. Она без лишних пауз и притворного удивления сказала «да».

Они обвенчались в церкви святого Патрика три месяца назад.

...

Глава 3. Восемьдесят миль в час

Они возвращались домой после очередной бурной вечеринки. За рулём была Клэр — она выпила меньше, хотя прав у неё не было, но ездить, как она сама считала, умела. Ричард не стал спорить: он никогда не спорил с Клэр о вещах, в которых сомневался только он один.

На одном из крутых поворотов шоссе она заметила спидометр и успела сбросить скорость лишь до восьмидесяти миль в час. Было поздно. Машина вылетела на гравийную обочину, ударилась правым боком о невысокий бетонный отбойник и свалилась в двухметровый овраг, успев за пару секунд до остановки совершить полтора оборота и приземлиться на крышу.

При заносе, во время удара правым боком автомобиля об отбойник, Клэр вылетела через окно пассажира — на месте которого сидел Ричард — потому что не была пристёгнута. Он ударился о боковую стойку двери и оставался в машине до полной остановки. Последнее, что он слышал — хруст собственных шейных позвонков, похожий на хруст леденца зубами, с той лишь разницей, что леденец вредит в основном зубам. Ричард умер на две минуты.

Ровно столько понадобилось врачам реанимационной машины, чтобы вернуть его к жизни.

У Клэр, как ни удивительно, не нашлось ни переломов, ни глубоких ран — лишь множественные ушибы, порезы и ссадины, кровь из которых быстро остановили. Ричард же не подавал признаков жизни. Его тело перенесли в реанимобиль, и по дороге в больницу врачи безуспешно пытались вернуть ему пульс, пока после очередного разряда кардиограмма не пошла неровной, но живой линией. В сознание он так и не пришёл.

Кроме двух минут клинической смерти, Ричард пережил тридцать девять дней комы.

. . .

Глава 4. Два моргания

Первое, что он услышал, придя в себя, — голос Клэр, дающей показания полицейскому. — Нет, господин офицер, я не езжу за рулём, у меня нет прав. Только муж. Мой бедный муж!

Ричард слышал, как она плачет, и не мог понять, почему этот плач кажется ему отрепетированным.

Сам он не мог открыть глаза, не мог пошевелить рукой, не мог даже промычать. Прибежала медсестра — что-то про учащённый пульс, повышенное давление, звук кнопок и полное отсутствие ощущений в теле. Потом с глаз сняли что-то влажное, похожее на ватные диски, и он зажмурился от яркого света — пока наконец не увидел улыбающееся лицо медсестры, повторяющей одно и то же слово: живой, живой, живой.

— Мистер Томпсон, вы меня слышите? Попробуйте пошевелить пальцем. Любым пальцем. Вы можете говорить? Тогда просто откройте рот — хоть немного, чтобы я поняла, что вы меня слышите.

Кровать приподнялась. Кроме медсестры Ричард увидел теперь Клэр и незнакомого мужчину в полицейской форме. При виде жены память вернулась внезапно, как пистолетный выстрел, — вместе с ней и последняя картина перед аварией: за рулём была Клэр.

— Миссис Томпсон, так вы утверждаете, что за рулём был ваш муж? — спросил полицейский.

В палату вошли главный врач госпиталя Генри Вилсен, водитель реанимационной машины и фельдшер — очевидцы аварии.

— Да, господин офицер, за рулём был мой муж, сколько можно повторять, — ответила Клэр.

— А вы что скажете? — обратился полицейский к водителю и фельдшеру.

— Я видела, как миссис Томпсон вылетела из пассажирского окна справа, — сказала фельдшер.

— Мне кажется, я видел силуэт головы мистера Томпсона над подголовником водительского места, — ответил водитель.

— Спасибо. Пока свободны, но, возможно, ваши показания ещё понадобятся.

Когда свидетели вышли, медсестра сказала главному врачу, что мистер Томпсон совсем не реагирует — ни движений пальцами, ни ртом.

— Мистер Томпсон, меня зовут Генри Вилсен, я главный врач госпиталя города Сакраменто, штат Калифорния. Вы попали сюда после аварии больше месяца назад. Вы пережили клиническую смерть и провели в коме тридцать девять дней. Если понимаете меня — моргните два раза.

Ричард моргнул два раза.

— Отлично. Отныне одно моргание — «нет», два — «да». Договорились?

Два моргания.

— Вас зовут Гарри?

Одно моргание.

— Вы родились в тысяча девятьсот восемьдесят пятом?

Два моргания.

— Ваше полное имя Ричард Стэнли Томпсон?

Два моргания.

— Мистер Вилсен, могу я задать пару вопросов мистеру Томпсону? С глазу на глаз, как говорится. Протокол такой, ничего не поделаешь, — произнёс полицейский, представившийся капитаном Тэдом Киссинджером.

Когда врач вышел, Киссинджер наклонился ближе.

— Мистер Томпсон, в момент аварии за рулём форда мустанг были вы?

Одно моргание.

— Вы помните, кто был за рулём?

Два моргания.

— Это была ваша жена?

Два моргания — положительный ответ.

Повисла тишина. Ричарду показалось, что он перестал дышать. Наконец Клэр обратилась к полицейскому:

— И что будем делать, Тэд?

— Дома обсудим, — ответил капитан и вышел из палаты.

Ричард ещё не знал, что эта короткая фраза — «дома обсудим» — окажется одной из немногих правдивых вещей, сказанных в этой комнате. И что фамильярность, с которой Клэр назвала капитана полиции по имени, объяснится далеко не служебными отношениями.

. . .

Глава 5. Дома поговорим

Коллегия врачей решила, что Клэр может забрать мужа домой — это, возможно, пойдёт на пользу восстановлению моторных функций. Прогноз был неутешительным: перелом шейных позвонков с множественными осколками в спинном мозге. Ни один практикующий врач США не соглашался их извлекать — любое смещение осколков грозило летальным исходом.

Через три дня Ричард сидел в инвалидном кресле в собственной гостиной. Свет пробивался сквозь задёрнутые занавески, тёплый луч касался лица и левого плеча, но тепла он не чувствовал. Только непривычный запах сигаретного дыма и пустые бутылки виски на полу говорили о том, что в доме без него что-то изменилось.

Вечером Клэр вернулась, не поздоровавшись прошла на кухню. Через полчаса Ричард слышал бессвязную речь, местами переходящую в крик. Потом она вошла, села к нему на колени и заговорила, дыша прямо в лицо запахом крепкого алкоголя и табака:

— Дорогой, ты ведь скажешь, что за рулём был ты? Зачем нам эти проблемы, разбирательства? Мы тебя быстро поставим на ноги, и будем жить дальше, как будто аварии и не было.

Ричард понимал каждое слово, но не мог понять, как эта женщина — жизнерадостная, добрая Клэр — так сильно изменилась всего за месяц. Сейчас она была похожа на пойманную, но не желающую сдаваться змею.

Приехала мать Ричарда, Роузи Томпсон. Она села у его колен, опустила на них голову и заплакала — впервые на памяти сына. Всю жизнь она пыталась казаться деловой и неприступной; сейчас голос её был полон не упрёка, а боли.

— Ричард, дорогой, зачем было садиться пьяным за руль? А если бы Клэр погибла? А если бы погиб ты? У меня ведь больше никого нет. А внуки, которых вы обещали подарить мне в следующем году?

Она вытерла слёзы, повернулась к Клэр, и голос её вновь стал сухим:

— Что сказали врачи? Сколько нужно заплатить? Ричард сможет ходить?

— Не знаю, что-то сложное в спинном мозге, прогнозы давать не решаются. Да к чёрту этих врачей, мы сами всё устроим, правда, милый? — Клэр потрепала Ричарда по голове.

— Клэр, ты опять пила?

— А что остаётся делать? Через пару месяцев закончатся сбережения, за дом нечем будет платить.

Мать ещё немного посидела с сыном, сказала что-то про ответственность и ушла на кухню следом за невесткой. Оставшись один, Ричард думал: стоит ли взять вину на себя? Чем он рискует — в таком состоянии тюрьма ему не грозит. А Клэр молода, наверняка позаботится о нём, если он подтвердит, что был за рулём. Приоритет, думал он, всегда остаётся за здоровым человеком. Даже врачи сначала спасают того, у кого больше шансов выжить.

Выжить... А не лучше было бы умереть в той аварии?

Из кухни донёсся крик Клэр:

— Почему я должна ухаживать за овощем в инвалидной коляске, если у него есть мать?

— Потому что ты живёшь в его доме, на его сбережения! Ты его жена, Клэр. Ему нужна помощь, а не слёзы старой матери.

— Да, но не забывай — он чуть не убил меня! Я не хочу остаток дней быть сиделкой.

— То есть ты думаешь, он не поправится?

— А ты сама не видишь? Он не может пошевелить даже губами. Он ничего не помнит. Он даже не может попросить о чём-нибудь.

Через полминуты мать снова стояла перед Ричардом, слёзы текли по её лицу.

— Прости, дорогой. Прости, что...

Больше она ничего не сказала. Взяла вещи и ушла. Ричард услышал, как Клэр закрывает за ней дверь.

Почему Клэр сказала маме, что он ничего не помнит? Ричард решил, что дело в стрессе, в пережитом ужасе. Он очень хотел сказать жене, что возьмёт всю вину на себя, что ей не о чем беспокоиться. Но сказать этого не мог. А она к нему не подходила и нужных вопросов не задавала.

. . .

Глава 6. Поцелуй

Три дня Клэр не подходила к мужу. Приходящая сиделка кормила его, мыла, делала массаж для циркуляции крови. Ричард не знал, куда жена уходит утром и откуда возвращается вечером. Знал только одно: она боится потерять свободу и быть разоблачённой. И знал, что не допустит этого.

Вечером Клэр пришла поздно, отпустила сиделку, сказала, что завтра она не понадобится, а в среду её снова ждут. Отвезла коляску с Ричардом на кухню, достала бутылку виски, выпила залпом полный стакан, налила ещё два — по половине.

Стук в дверь. Клэр молча ушла открывать, весело кого-то поприветствовала. В кухню вошёл Тэд Киссинджер.

— Привет, дружище Ричард! Как дела? — расхохотался он с явным сарказмом.

— Перестань, Тэд, — оборвала его Клэр.

— Как скажешь, дорогая. Ричард, тут такое дело. Помнишь протокол: один раз — «нет», два — «да». Ты на суде завтра признаешься, что сел пьяным за руль?

Ричард моргнул два раза и вдруг вспомнил фразу, которой полицейский ответил Клэр в больнице: дома поговорим. Только сейчас он начал что-то понимать. Но что именно?

— Молодец, дружище! Ты и сам понимаешь: Клэр не нужны проблемы, а тебя они всё равно не коснутся.

Снова два моргания.

— Отлично! Дорогая, налей по стаканчику, выпьем за правильные решения.

— Уже давно налиты, — ответила Клэр.

Когда Клэр и Тэд выпили ещё по два стакана, они ушли из кухни, оставив Ричарда одного. Последние минуты прошли для него в тумане. Он забыл об аварии, о Клэр, о полицейском, о маме, о враче и больнице. Забыл, что сидит в инвалидном кресле и может по собственной воле только опускать и поднимать веки.

Из спальни донёсся смущённый, но спокойный голос жены:

— Не надо, Тэд. Он же здесь, может услышать.

— Может. Но что он сделает? Если завтра не даст нужные ответы — я превращу его жизнь в ад, а тебя всё равно вытащим, у меня есть друзья наверху.

— Ладно, только быстро.

Ричард не мог поверить услышанному. Он хотел закрыть уши, отказаться от этого знания. Но чем дольше слушал, тем внимательнее прислушивался. Через десять минут Клэр вернулась на кухню и медленно потянулась к его губам. Ричард почувствовал тошнотворный запах алкоголя, смешанный с чем-то ещё, и не мог ничего сделать. Она коснулась его губ, провела языком по щеке, к мочке уха. Он плакал — но слёзы не текли. Тело содрогалось изнутри, но снаружи это никак не проявлялось.

— Пока, семейка Томпсон! — Тэд захлопнул дверь под собственный идиотский смех.

В ту ночь Ричард Томпсон принял решение, о котором ещё не знал сам. Он лишь понял одну простую вещь: у человека, который не может пошевелить и пальцем, остаётся последнее оружие — терпение. И он решил ждать столько, сколько потребуется.

Глава 7. Иск

Утро вторника выдалось безоблачным — почти всегда июль в Сакраменто жаркий, солнечный, пахнувший цветами и созревающими плодами. Клэр переодевала мужа в костюм добрых сорок минут, ворчала, что не должна этим заниматься, но делает — потому что любит его.

У здания суда их ожидал Тэд Киссинджер.

— Ну что, мистер Томпсон, у нас всё в силе?

Два моргания — да.

Зал заседаний оказался небольшим кабинетом с трибуной и рядами скамей. Слева сидел нанятый Клэр адвокат Дэни Стром — старый знакомый Ричарда по деловым и не только вопросам. Справа, в одиночестве, — незнакомый молодой человек лет двадцати семи, высокий, худощавый, светловолосый, больше похожий на завсегдатая ночных клубов, чем на служащего страховой компании.

Судья Николас Нордвуд открыл заседание:

— Заседание по делу иска страховой компании «Вест Хелз» в лице мистера Тони Дубно к мистеру и миссис Томпсон по делу о клевете и даче ложных показаний об обстоятельствах аварии объявляю открытым.

Молодой человек справа встал и учтиво поклонился. Ричард видел его впервые и не знал никого из «Вест Хелз» — ни разу не слышал даже названия компании.

— Мистер Вилсен, — обратился судья к доктору, — мистер Томпсон находится в здравом уме и трезвой памяти?

— Всё верно, ваша честь. Ставлю профессиональную репутацию на то, что интеллект и память мистера Томпсона в полном порядке — чего, конечно, не скажешь о физическом состоянии тела.

Установили протокол общения: одно моргание — «нет», два — «да», три — «не знаю».

— Согласно предоставленным мистером Дубно документам, — продолжил судья, — есть доказательства, указывающие, что за рулём была пьяная миссис Томпсон.

Дэни Стром вскочил:

— Ваша честь, показания мистера и миссис Томпсон, а также свидетелей — водителя скорой Роберта Бэксли и фельдшера Вики Лоу — указывают, что за рулём был именно Ричард Томпсон.

— Мистер Стром, позвольте мне решать, насколько доказательства мистера Дубно заслуживают рассмотрения. Мистер Дубно, вы готовы предоставить их суду?

— Разумеется, ваша честь. С большим удовольствием.

Тони Дубно подошёл к трибуне.

— Прежде чем начать, могу я задать вопрос мистеру Томпсону? — Он повернулся к Ричарду. — В момент аварии за рулём были вы?

Одно моргание — нет.

— За рулём была миссис Томпсон, ваша жена?

Все взгляды устремились на Ричарда. Мать судорожно сжала платок. Ричард не медлил — два моргания, подтверждение.

Дэни Стром вскочил с криком:

— Протестую! Ранее мистер Томпсон утверждал обратное!

— Я знаком с показаниями, господин адвокат. Мистер Томпсон, вы утверждаете, что за рулём была ваша жена?

Два моргания — подтверждение.

— Требую психиатрической экспертизы состояния мистера Томпсона! — потребовал Стром.

— Компания «Вест Хелз» готова оплатить любую диагностику, — вмешался Тони Дубно, — но это не всё. Компания также готова обеспечить безопасность мистера Томпсона до следующего заседания. Проживание под присмотром медицинского персонала и охраны — вдали от дома.

— Зачем охрана? — спросил судья.

— Потому что я боюсь, ваша честь, что мистера Томпсона попытаются заставить изменить показания. У меня на руках фотографии, подтверждающие романтические отношения миссис Томпсон с полицейским Тэдом Киссинджером и адвокатом Дэни Стромом.

Киссинджер медленно поднялся со стула.

— Тварь. Значит, ты и с этим ублюдком спишь?

— У нас ничего не было! — вскрикнула Клэр. — Этот жалкий подонок из страховой всё врёт!

Если бы не подоспевший охранник суда, Киссинджер набросился бы разом на Клэр, Строма и Тони. Судья приказал вывести капитана из зала. Заседание перенесли на три недели, запретив Клэр, Киссинджеру и Строму приближаться к Ричарду ближе чем на сто метров.

В зал вошли люди, представившиеся сотрудниками «Вест Хелз», и увезли Ричарда в неизвестном направлении — прежде чем кто-либо успел задать хоть один вопрос о том, кто такой Тони Дубно и почему страховая компания, о которой никто никогда не слышал, вложила столько сил в защиту человека, который не может произнести ни слова в свою пользу.

...

Глава 8. Лифт из-под земли

Полтора часа Ричард провёл в салоне минивэна с занавешенными окнами. Слева сидел здоровяк, телосложением больше похожий на гориллу, чем на человека, — Тони называл его Халком. Напротив, не поднимая глаз от ноутбука, сидел сам Тони.

Когда автомобиль наконец остановился, Ричард ожидал увидеть вход в отель. Вместо этого — пустая асфальтированная дорога посреди леса. Ни одного строения, ни одной тропинки. Халк аккуратно посадил его в коляску и повёз вглубь чащи. Тони шёл следом, молча, и только хруст веток под ногами нарушал тишину.

Ричард вспоминал фильмы, в которых подобные безмолвные прогулки в лес всегда кончались плохо для одного из героев. Он понимал: шансов на сопротивление нет.

Через полчаса они вышли на поляну, усеянную полевыми цветами. Раздался щелчок, похожий на сигнал автомобильного брелока, и метрах в двадцати начало что-то прорастать прямо из земли. Лифт. Настоящий лифт посреди леса.

— Мистер Томпсон, прошу не волноваться, — произнёс за спиной Тони, пока кабина уходила вниз. — Через несколько минут вы узнаете, что это за место и что вас ждёт в ближайшем будущем.

Внизу открылся огромный круглый холл. По периметру стояли светящиеся шкафы, в которых что-то синее, густое, меняющее форму, будто плавало, похожее на желе с яркими вкраплениями. Запах отдалённо напоминал больничный, но с землистым, свежим оттенком. Несколько столов с ноутбуками, два дивана, журнальный столик — и два аппарата, похожих на МРТ, в дальнем конце зала, рядом с одним из светящихся шкафов.

— Как ты, наверное, уже заметил, Халк у нас молчун, — сказал Тони, усаживая Ричарда на диван. — И на то есть причины. Он добровольно согласился на мой эксперимент — стать навсегда счастливым, но услужливым. Поверь, сейчас он пребывает в недоступном для смертного блаженстве.

Тони на секунду замолчал, глядя куда-то вверх, лицо его озарила блаженная улыбка. Потом он повернулся к Ричарду.

— Хочешь так же?

Одно моргание.

— Понимаю. Да я и не за этим тебя сюда привёз.

Он ушёл в соседнюю комнату и вернулся с небольшой чёрной коробкой размером с ладонь, с несколькими светодиодами на корпусе и тонким проводом, заканчивающимся мягкой лентой — вроде обруча, который надевают на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.